

DOI: 10.19181/socjour.2024.30.1.3

EDN: FLJPGF

Д. С. ПОПОВ¹, Д. А. ШЕСТАКОВА¹

¹ Институт социологии ФНИСЦ РАН.

109544, Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 5, стр. 1.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ В ИЗМЕНЧИВОМ КРИЗИСНОМ ОБЩЕСТВЕ: СТРАТЕГИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Аннотация. Идея человеческого капитала со времен Адама Смита многократно доказала свою важность и необходимость для понимания современной экономики и социальных отношений. Вместе с тем в последние десятилетия теория человеческого капитала, в современном виде сформулированная в США в 1960–1980-х гг., подвергается серьезной критике в научной литературе, в первую очередь за подход к измерению. Данная статья имеет аналитический и обзорно-проблематизирующий характер. В ней проводится критическая ревизия основных подходов к оценке человеческого капитала в современной науке. Обсуждается вопрос специфичности и историчности человеческого капитала, его включенности в социальные структуры. Показано, что новые стратегии измерения человеческого капитала включают не только количественный показатель (число лет, потраченных на получение образования), но и показатель качества знаний и навыков. Такой подход позволяет наблюдать прирост или утрату, деградацию человеческого капитала за пределами конвенционального образовательного трека. Это позволяет говорить о встроенности (*embeddedness*) человеческого капитала в процессы локализованного социально-исторического развития. Показаны возможности социологизации понятия «человеческий капитал» и преимущества, которые дает такая социологизация. Обсуждается потенциал социологии жизненного пути (*life-course sociology*) для анализа и понимания человеческого капитала. Предлагается взглянуть на человеческий капитал сквозь призму поколенческого подхода. В обсуждении намечены исследовательские ракурсы для изучения человеческого капитала в предложенной логике.

Ключевые слова: человеческий капитал; образование; кризисное общество; утрата навыков; эффекты когорты.

Для цитирования: Попов Д. С., Шестакова Д. А. Человеческий капитал в изменчивом кризисном обществе: стратегия социологического анализа // Социологический журнал. 2024. Том 30. № 1. С. 43–63. DOI: 10.19181/socjour.2024.30.1.3 EDN: FLJPGF

Введение

Мысль о всеобъемлющем социальном развитии захватила умы многих социологов XIX в., в результате чего был предложен целый ряд общих эволюционистских концепций в широком диапазоне — от Г. Спенсера

до К. Маркса. Однако на фоне кризисных и турбулентных событий начала XX в. подобные «вселенские» концепции развития стали восприниматься с большим сомнением. «Кто сегодня читает Спенсера?» — таким вопросом Т. Парсонс, критически воспринимавший одновременно и эволюционизм, и биологический (физический) редукционизм британского социолога, открывает свою книгу 1937 г. о структуре социального действия [5]. Предшественник Т. Парсонса на посту декана социологического факультета Гарварда П.А. Сорокин, частью биографии которого стали русские революции начала XX в. и эмиграция, делает проблему социально-культурной динамики, мобильности и изменения одной из центральных в своей социологии (см., например, современную рецепцию идей П.А. Сорокина в обстоятельной монографической работе Б. Джонстона [39]). Для социологов на постсоветском пространстве идея кризисности и социальной лабильности по-прежнему актуальна и близка, что связано как с событиями последнего десятилетия XX в., включая распад СССР, реорганизацию социальной и экономической систем, сопровождавшиеся глубоким кризисом, так и с более близкими к нам, включая экономическую нестабильность, пандемию, войны, санкции, утечку умов, геополитические процессы.

Реконструкция и популяризация концепции человеческого капитала классиками американской послевоенной экономики (Г. Беккер, Т. Шульц, Дж. Минсер) была осуществлена в русле идеи постоянного экономического развития, которую стоит признать интегрирующей и конститутивной для американского общества послевоенного периода. В их изложении теория человеческого капитала была укоренена в американской экономике, и ее прогностический потенциал был связан с развитием именно этой экономики, опирающейся в своей динамике в первую очередь на эндогенные, внутренние, факторы (одним из которых и было накопление и эффективное использование запаса человеческого капитала). Отметим, что история послевоенной американской экономики, как, впрочем, и других экономик развитых западных стран, к которым теория Беккера — Шульца — Минсера применима примерно в равной степени, — это история почти непрерывного роста. Периодически возникающие и сопровождающиеся рецессией кризисы не приводили к коренной перестройке социально-экономической реальности и ликвидировались при помощи «косметического ремонта», а экономика в достаточно короткие сроки возвращалась к докризисным уровням. В этой ситуации не происходило серьезной флуктуации достигнутых уровней человеческого капитала, а изначально предложенная модель его измерения неизменно оказывалась убедительной.

Однако на фоне экспансии теории человеческого капитала, с появлением измерений в большем количестве стран и сопоставительных международных исследований универсальность, внеисторичность и внеконтекстуальность теории превращаются в ее недостаток. Отчасти

этому способствовала классическая методика измерения человеческого капитала, основанная на легкодоступных количественных показателях, таких как наличие формального диплома об образовании или количество лет, потраченных на получение формального образования. Вызревшая в 1980-х гг. и «объективированная» в начале 1990-х гг. в индексе ООН концепция человеческого потенциала (*human development*) «отвязывает» человеческий капитал от экономической продуктивности, отдачи и, в конечном счете, от (сугубо) экономического развития. Однако вопросы укорененности, соотносительности с локальными институтами, с процессами изменения (не только развития, но и утраты, деградации) человеческого капитала оказываются нерешенными.

В России последнее десятилетие XX в. отмечено чередой непрерывных кризисов разной интенсивности, глубокими социально-политическими трансформациями. Отечественная история первой четверти XXI в. также связана с социальными переменами, пусть и меньших интенсивности, масштаба. Можно предположить, что такая историческая ситуация приводит к серьезным изменениям человеческого капитала, причем стремительность этих изменений не позволяет отследить их «классическими» методами, с опорой на наличие дипломов о формальном образовании. Это ставит вопрос об эффективности существующих подходов к оценке человеческого капитала, а также о поиске стратегии по преодолению объективных содержательных и методических сложностей.

Данная статья имеет обзорный и проблематизирующий характер. В ней проводятся анализ и экспликация основных идей и подходов к изучению человеческого капитала, появившихся в современной социально-экономической традиции. Мы оценим эффективность существующих методик измерения человеческого капитала, а также рассмотрим перспективы их социологического изучения. В заключительной части обсудим возможные направления анализа человеческого капитала, компетентности и грамотности в условиях лабильного, меняющегося общества, в том числе с опорой на традицию исследования поколений (*life-course sociology*).

Человеческий капитал: появление и развитие концепта

Желание определить роль и «вес» человека, его навыков и умений в социально-экономической динамике достаточно рано появляется в английской политической экономии, в частности в работах У. Петти, Дж. С. Милля и А. Смита (об исторических корнях теории человеческого капитала см. обзоры Б.Ф. Кикера и Дж. Шпенглера [42; 59]). Однако широким распространением термина «человеческий капитал» современная экономическая теория обязана работам американских экономистов Дж. Минсера [49; 50], Т. Шульца [55; 56] и Г. Беккера [23; 24], появившихся на фоне широкого распространения массового образования. В основе теории чикагских экономистов лежат предпо-

ложения о том, что образование, профессиональная подготовка, накопление навыков и знаний, инкорпорированных в людях (то есть собственно «человеческого капитала»), увеличивают производительность труда, доходы людей и в конечном счете приводят к экономическому росту и социальному прогрессу (который неизбежно, по их логике, вытекает из экономического роста). В изначальной интерпретации человеческий капитал определялся на микроуровне как результат инвестиций каждого отдельного человека в себя, но в контексте вопросов социально-экономического развития он стал интересен на макроэкономическом уровне, где вносит вклад в экономическое развитие страны (о связи человеческого капитала с экономическим развитием см.: [2]). Отдача от человеческого капитала может быть измерена, причем в стоимостных единицах, что делает запасы человеческого капитала сопоставимыми с физическим капиталом и другими экономическими параметрами (объем ВВП и др.). Однако стоимостные оценки человеческого капитала не отменяют задачи понимания его основы, то есть образовательных достижений, навыков людей.

Знания и навыки, составляющие основу человеческого капитала, вполне могут быть измерены (хотя и не без определенных сложностей). Человеческий капитал в этом отношении подобен капиталу физическому с той существенной разницей, что человеческий капитал неотделим от своих носителей — людей, поэтому его «оборот» в современных обществах ограничен, его нельзя в прямом смысле продать или передать. При этом и физический, и человеческий капиталы способны как увеличиваться, так и устаревать, деградировать, уменьшаться с течением времени.

В 1970-х гг. появляется критика теории человеческого капитала в той ее части, которая связывает образование с повышением экономической продуктивности, производительности труда и экономическим ростом, в конце концов; при этом мысль о том, что образование и навыки отражают человеческий потенциал (не оцениваемый сугубо в экономической плоскости), напротив, приобрела дополнительный импульс [43]. Во многом под влиянием идей британского экономиста индийского происхождения А. Сена [58] в качестве альтернативы человеческому капиталу появляется концепция человеческого развития (*human development*, «человеческий потенциал», или «человеческое развитие» в русскоязычной литературе). Появление концепции человеческого развития связано не столько с теоретической, сколько с политической проблемой. Если повышение отдачи от человеческого капитала становится ключевой задачей для развития экономики, а работоспособное население не увеличивается или вовсе сокращается, возникает угроза трудовой эксплуатации в разных формах. Поэтому в рамках концепции «человеческого развития» происходит попытка «отвязать» образование и навыки от экономического роста и извлечения прибыли. Благополучие

людей не всегда и не во всем зависит от роста экономики, но зависит от способностей людей, которые в том числе обеспечиваются их запасом знаний и навыков. В этой новой интерпретации «человеческий потенциал», измеряемый, в частности, при помощи индекса человеческого развития (*Human Development Index, HDI*), широко использовался аналитиками и чиновниками в ООН в дополнение к ВВП для оценки социально-экономических аспектов состояния стран мира [60]. В современных работах идея «человеческого потенциала» перерастает в концепцию человеческого благополучия (*wellbeing*), комплексного составного показателя, для измерения которого используется, помимо прочего, человеческий капитал (см., например: [38]).

В качестве основного и легкодоступного индикатора для измерения человеческого капитала в современных исследованиях чаще всего используется показатель наличия диплома о формальном образовании (либо количество лет, потраченных на получение формализованного образования). В индексе человеческого развития (а затем и при измерении человеческого благополучия) к базовому показателю достигнутого уровня формального образования добавляются дополнительные индикаторы, в том числе оценки здоровья, прогнозируемого возраста смерти, безопасности, вовлеченности в социальную и политическую жизнь, баланс между трудом и отдыхом и др. Разные метрики используются и при оценке человеческого капитала, Г. Лю и Б. Фраумени перечисляют шесть таких (см. обзорную статью [45]). Но в рамках данной статьи нас интересует только наиболее проблемная с точки зрения измерения когнитивно-компетентностная составляющая. Наличие диплома или уровень формального образования были вполне пригодными индикаторами в условиях послевоенной американской реальности, когда образовательная система отличалась стабильностью и предсказуемостью результатов. Однако при проведении исследований в иных странах / социально-экономических контекстах и в условиях популяризации международных сопоставительных исследований допущения, которые лежат в основе рассматриваемого измерительного подхода, оказываются слишком радикальными.

Отметим появление в последние десятилетия исследований человеческого капитала, в фокусе внимания которых находится период вне классического образовательного трека. В ходе реализации этих исследований предпринимаются попытки оценить факторы, влияющие на компетентностную компоненту человеческого капитала за пределами конвенционального школьного образования [25; 47]. Артикулируется связь человеческого капитала не только с формальным образованием, но и с профессией и занятостью людей [29]. Человеческий капитал рассматривается в динамике человеческих жизней, его уровень может значительно изменяться под влиянием внешних по отношению к формальному образованию параметров в течение всей жизни людей.

Таким образом, стандартные «образовательные» индикаторы не отражают вариативность образовательных результатов, полученных в разных странах и в разные исторические периоды. Кроме того, они не способны отразить прирост или утрату человеческого капитала за пределами стандартных образовательных треков (школа – ссуз – вуз). Такие изменения и утраты сущностных, «натуральных» (а не стоимостных) характеристик человеческого капитала происходят в кризисных обстоятельствах (в эпохи глубоких социальных трансформаций и революций, войн, масштабных эпидемий), поэтому необходимо найти стратегии измерения и оценки этих изменений для быстро меняющихся и транзитных обществ, таких, например, как российское.

Измерение отдачи от человеческого капитала

В экономических и социологических исследованиях широко распространен подход к измерению отдачи от человеческого капитала, предложенный в конце 1950-х гг. американским экономистом Дж. Минсером [49; 50]. Образование, работа, производительность труда и доход в рамках этого подхода находятся в прямой зависимости. Подход Дж. Минсера получил развитие в работах другого представителя чикагской экономической школы Г. Беккера [23], в конечном итоге он становится основой для большого количества эмпирических исследований в США и за их пределами.

В конце XX в. этот подход был усовершенствован за счет добавления в расчеты так называемого «эффекта когорты» (*cohort effect*). Предполагается, что экономическая отдача от человеческого капитала неодинакова в течение жизни. Однако за счет длительного наблюдения за группами людей разных возрастов можно это учесть и построить прогностические модели, предсказывающие динамику изменений в экономике, происходящих за счет отдачи от человеческого капитала, на десятилетия вперед. Так, в фокусе исследования Д. Бейкера, М. Гиббса и Б. Хольмстрома [20] оказались кадровые записи менеджеров одной фирмы за 20-летний период. На основе изучения этих записей выяснилось, что средняя заработная плата когорты при поступлении на работу является важным предиктором, позволяющим определить среднюю заработную плату представителей этой же когорты годы спустя. К аналогичным выводам о наличии фактора когорты приходят и другие исследователи (см., например, [22]).

С учетом эффекта когорты экономистами Д. Джоргенсоном и Б. Фраумени [40; 41] была предложена комплексная методика измерения (и прогнозирования) отдачи от человеческого капитала в течение жизни (*lifetime income approach*). Отдача рассчитывается дифференцированно с учетом разных возрастных когорт для экономически активного населения (в возрасте от 14 до 74 лет). По этой методике в начале текущего столетия экономист Ган Лю реализовал сопоставительное исследование человеческого капитала в странах ОЭСР [44]. В России

это исследование было реплицировано Р.И. Капелюшниковым с использованием данных переписей 2002 и 2010 гг. [10; 11]. Отметим, что и в проекте Г. Лю, и у Р.И. Капелюшникова основным индикатором для измерения человеческого капитала остается классический — достигнутый уровень формального образования.

По результатам исследования Г. Лю было показано, что в большинстве стран ОЭСР оценочная стоимость человеческого капитала превосходит ВВП в 10–11 раз; это позволило сделать общий вывод о том, что главным элементом богатства (и главной частью национальных экономик) в современных обществах выступает именно человеческий, а не физический капитал. При этом молодежь во всех странах ОЭСР обладает большими запасами человеческого капитала, чем старшие поколения (Россия же по этому параметру радикально отличается — см. ниже). Результаты расчетов Р.И. Капелюшникова по той же методике показали, что «в 2002 г. Россия располагала человеческим капиталом в объеме 121 трлн руб., тогда как в 2010 г. — в объеме 608 трлн руб. Таким образом, за это восьмилетие его номинальный запас увеличился пятикратно, что предполагает ежегодные темпы прироста порядка 22%» [11].

Предположение об отдаче от человеческого капитала среди различных поколений в изначальной модели Джоргенсона — Фраумени опиралось на эмпирические наблюдения американского общества. Вместе с тем, как показывают недавние отечественные исследования, эта отдача в российском контексте имеет весьма ярко выраженную специфику [9]. Если в большинстве развитых стран заработок возрастает в течение всей трудовой карьеры (хотя к ее середине этот рост сильно замедляется), то для нашей страны характерен другой профиль, который отличается иной крутизной начального подъема и ранним снижением: пик заработков достигается в возрасте до 40 лет, после чего наблюдается снижение. В этом отношении универсальность когортной модели Джоргенсона — Фраумени и ее применимость к российским условиям оказываются под вопросом.

Результаты Р.И. Капелюшникова, безусловно, представляют значительный интерес и коррелируют с динамикой российской экономики начала XXI в. Однако вызывает сомнение, что описанное им изменение отдачи от труда действительно может быть объяснено в логике теории человеческого капитала. И теория человеческого капитала в классическом варианте, и более поздние модели, учитывающие эффект когорты, исходят из того, что развитие экономики определяется внутренними, эндогенными причинами (в первую очередь увеличением человеческого капитала, то есть запаса знаний, навыков и умений населения). Соответственно, и прогнозы, сделанные на основе *lifetime income approach*, рассчитаны на то, что экономика постепенно развивается вне значительных внешних потрясений (таких как революции, войны, масштабные эпидемии и т. д.). Вместе с тем для кризисных обществ (при-

мером которого является российское общество постсоветского периода) логика экономического развития зачастую задается извне, и внешние экзогенные факторы обладают гораздо большей значимостью и весом.

Полученные Р.И. Капелюшниковым результаты, скорее, показывают изменение стоимости труда в условиях лабильной, восстанавливавшейся на фоне высоких цен на энергоресурсы российской экономики. Возникают серьезные сомнения, что за это восьмилетие действительный человеческий капитал, состоящий из знаний, умений и навыков людей, пятикратно возрос. Не произошло заметного роста населения, не было масштабных сдвигов в системе образования (если не считать некоторого перераспределения учащихся, ссузы уступили часть слушателей вузам).

В экономике на фоне эмпирической констатации длительного периода снижения отдачи от образования и человеческого капитала была предложена гипотеза и концепция «специфического человеческого капитала» (*task-specific human capital*) [33]. «Специфический человеческий капитал» измеряется через количество лет, проведенных человеком на одном рабочем месте. Однако идея этой специфичности гораздо шире. Основанная на знаниях экономика является высокодинамичной лишь в отдельных специфических областях (как, например, сфера ИТ, сформированная на наших глазах за последние десятилетия). Для поколения, выходящего на рынок труда, высокую отдачу от человеческого капитала (понимаемого в классическом чикагском смысле) можно ожидать только в этих специфических динамичных зонах, подразумевающих владение особыми узконаправленными навыками. С учетом этой динамики очевидна и неоднородность отдачи от человеческого капитала в разных сферах, а также снижение его качества с течением времени (в том числе при быстрых технологических изменениях). Однако идея и ракурс специфического человеческого капитала в целом требуют более сложных подходов к измерению.

Многолетние исследования человеческого капитала, проведенные стэнфордским исследователем Э. Ханушеком и профессором Мюнхенского университета Л. Вессманом, получили важный вывод в одной из последних их монографий: «Адам Смит был прав в том, что человеческий капитал, как мы его теперь называем, чрезвычайно важен для экономического развития стран. Однако эта его высокая значимость обесценивается и затмевается проблемами измерения» [37]. Вместе с тем в последние годы появляются новые подходы к измерению человеческого капитала, фокусирующиеся не только на количественном показателе (годы, потраченные на формальное образование), но и на качественном, основанном на измеренной компетентности.

Альтернативные стратегии измерения человеческого капитала

Вариативность «отдачи» от образовательных систем (в приобретенных знаниях и навыках, то есть в том, что касается базы челове-

ского капитала), как межстрановая, так и темпоральная, что особенно важно для высокодинамичных кризисных обществ, не улавливается стандартными количественными индикаторами, используемыми для оценки человеческого капитала. Аналогичным образом дело обстоит и с утратой, истощением запаса человеческого капитала, возможность которых вполне вероятна в кризисные периоды.

Возможность и эффект утраты или амортизации (*depreciation*) человеческого капитала были недавно эмпирически продемонстрированы на примере учителей средней школы в Греции [31]. В выборку исследования попали (в основном молодые) учителя, каждый из которых год или несколько лет не работал по специальности, а затем вернулся к профессиональной практике. Было показано, что один «пропущенный» учителем год без работы по профессии снижает результаты формализованного теста у его учеников на 0,05 стандартного отклонения. Это, по расчетам авторов, означает уменьшение, или амортизацию, человеческого капитала учителя на 4,3%. Добавим к этому, что и качество формализованного образования весьма неоднородно (и темпорально, в одном обществе, и географически). Авторы статьи о человеческом капитале, вышедшей в журнале «Nature» [18], предлагают свою эмпирическую оценку, основанную на проведенных в 164 странах мира тестовых замерах, весьма наглядно демонстрирующую, что использование классического подхода к оценке человеческого капитала маскирует его значительную неоднородность между странами и регионами. Оценка качества образования становится возможной в том числе благодаря широкому распространению в последние десятилетия масштабных международных исследований компетентности, среди которых особо выделим Международную программу по оценке образовательных достижений учащихся (*Programme for International Student Assessment, PISA*) и Программу международной оценки компетентности взрослых (*Programme for the International Assessment of Adult Competencies, PIAAC*). PISA представляет собой регулярно повторяющиеся раз в три года замеры, направленные на оценку знаний и навыков 15-летних подростков. Первый замер состоялся в 2000 г. В рамках PIAAC осуществлен один замер людей трудоспособного возраста от 15 до 65 лет (формально было проведено два раунда исследования, но в каждом раунде участвовали разные страны, Россия приняла участие в исследовании в 2013 г.) [57].

На основе полученных результатов PISA и PIAAC за последние годы были предложены модели оценки человеческого капитала, учитывающие качество образования [52; 32]. Причем Б. Эгерт с соавторами показывают связь между измеренной в PISA грамотностью 15-летних подростков и измеренной позже в PIAAC грамотностью взрослых из тех же когорт на выборке из нескольких десятков стран, что позволяет использовать данные обеих этих программ для измерения параметра качества образования [32]. Предложенная модель измерения человеческого капитала включает как традиционный индикатор (количество

лет, потраченных на получение образования), так и новый показатель качества образования — результаты тестирований, проведенных по репрезентативным на национальных уровнях выборкам, сопоставимым благодаря близким методикам их построения. Было показано, что благодаря измененной методике измерения показатель человеческого капитала обладает устойчивой связью со стандартным для экономических исследований показателем «совокупная производительность факторов» (*total factor productivity, TFP*). При этом потенциал долгосрочного роста производительности гораздо больше за счет улучшения качественного, чем количественного, компонента человеческого капитала. Увеличение показателей измеренной компетентности в PISA на 5% приводит к долгосрочному увеличению совокупной производительности факторов на 3,4–4,1%, тогда как увеличение средней продолжительности обучения на 9% приводит к росту MFP на 1,8–2,2% [32]. Измеренный в рамках PIAAC уровень грамотности используется для определения отдачи на рынке труда в работе Э. Ханушека и соавторов [36]. Исследование показывает, что для работающих людей в возрасте 25–54 лет (*prime-age workers*) увеличение измеренной математической грамотности на одно стандартное отклонение приводит к 18%-ному росту заработной платы.

На сегодня подход, основанный на измерении навыков, можно считать вполне устоявшимся. Добавление показателя качества образования радикально меняет ситуацию с измерением человеческого капитала в изменчивых и кризисных обществах. Если отследить гипотетическое снижение запасов человеческого капитала на протяжении жизни возможно с использованием результатов двух или более замеров (для одной когорты), то межкогортные изменения становятся очевидными на уровне одного замера грамотности взрослого населения. Собственно, появление адаптивного показателя открывает возможности для социологического исследования человеческого капитала, который формируется и уменьшается (растрачивается) в контексте конкретных групп (поколений), рынков, институтов, связанных с производством и трансляцией человеческого капитала. Иными словами, в фокусе социологического изучения человеческого капитала находятся не экономическая отдача и не продуктивность (хотя и они интересны, пусть и во вторую очередь), но процессы формирования (производства — на языке экономистов) и трансляции запасов человеческого капитала, которые рассматриваются не только как источник экономического роста, но и как часть социальной — в том числе институциональной и технологической — устойчивости, и как гарантия благосостояния людей.

Историчность, укорененность человеческого капитала

Пожалуй, ключевой тезис, касающийся исследований человеческого капитала в высокоизменчивых, лабильных, кризисных обществах, заключается в том, что человеческий капитал необходимо рассматривать как исторический и укорененный в социальных структурах.

Именно такой ракурс позволяет говорить о социологизации как самого понятия, так и методик измерения человеческого капитала. В частности, одним из авторов, всерьез говорящих сегодня об историчности человеческого капитала, стала экономист Гарвардского университета К. Гольдин [34]. Отметим, что в 2023 г. Гольдин получила Нобелевскую премию по экономике, в том числе за свои работы по историчности человеческого капитала. Ее статья в «Пособии по клиометрике», скорее, направлена на постановку вопросов, а не на поиск ответов на них. Вместе с тем крайне важным представляется фокус ее статьи на динамике институтов и обществ. В таком — клиометрическом — контексте российский человеческий капитал может быть рассмотрен в динамике как траектория подъемов и утрат, происходивших в русле исторических событий (русская революция, ликбез и массовое образование, постсоветская перестройка социальных и экономических отношений и т. д.).

Весьма плодотворной в данном отношении может оказаться идея оценки эффекта поколений. В модели Джоргенсона — Фраумени разделение на когорты имело, скорее, технический, вневременной характер. Поколенческая неоднородность учитывалась универсально во всех исследуемых обществах. При изучении исторической динамики поколения и их человеческий капитал связаны с этой динамикой, а точнее, с процессами накопления и утраты человеческого капитала, которые напрямую зависят от изменчивости или кризисности общества, однако — и особенно в случае с кризисными обществами — не в линейной логике, а с учетом укорененности когорт в совершенно определенной, конкретной социально-исторической действительности. Поэтому в социологический оборот К. Маннгеймом [46] было введено понятие «поколение». Маннгейм говорит об общественном «метаболизме», происходящем за счет смены поколений. Этот «метаболизм» он связывает с историческим своеобразием социальных условий и коллективных акторов.

Идея исследования поколений стала, что называется, «резонировать» в социальных науках в 1960–1970-е гг. В этот период логика и теория периодизации человеческой жизни, возникшая в психологии развития (Ж. Пиаже, Л.С. Выготский), оказались востребованы психологами, ориентированными на количественные исследования (см., например: [54; 21]). В центре психологических исследований находятся концепция личности, процессы изменения личности в ходе жизненного цикла, в том числе речь идет и о когнитивных способностях.

Приблизительно в тот же период, в 1960–1970-е гг., эта идея была воспринята представителями «социологии жизненного пути» (*life-course sociology*, см. обзоры [30; 26]). С точки зрения социологии жизненного пути судьбы людей рассматриваются не как индивидуальные жизненные истории (в духе Ф. Знанецкого и У. Томаса), а как типические проявления социальной структуры. История отдельных людей, семей и поколе-

ний оказывается встроенной (*embedded*) в условия и логику исторического периода. В этом отношении происходит «институционализация» жизненного пути представителей поколения, проявляющаяся в моделях участия в самых разных сферах жизни, в том числе в образовании и на рынке труда [6]. В условиях кризисного, меняющегося, лабильного общества следует ожидать, что эти модели и результативность (отдача от образования, от труда) будут заметно другими в рамках одного и того же социального пространства, взятого для разных поколений, в разных темпоральных периодах, а не только в международной перспективе.

В отечественной литературе широко распространен опыт применения APC (*age-period-cohort*) анализа для изучения динамики рождаемости в России (см., например, статью Е.С. Вакуленко: [8]). В случае с навыками — другим компонентом человеческого потенциала — возможность оценки зависит от наличия и использования индикаторов, отражающих текущее качество навыков и знаний. Как в случае с рождаемостью и биологическим воспроизводством вида, так и в случае социального воспроизводства вообще и воспроизводства человеческого капитала (навыков, знаний, умений) в частности, есть основания предполагать наличие «отпечатка» предыдущих кризисов и подъемов.

Обсуждение. К пониманию человеческого капитала в изменчивых обществах

Рассмотрим некоторые возможные ракурсы социологического наблюдения, в том числе ориентированные на традицию социологии жизненного пути, в рамках которой жизненные траектории рассматриваются не как индивидуальные истории людей, личностей, но как динамическое выражение социальной структуры, подчиненное социальной системной логике.

Во-первых, речь может идти о *динамике типических жизненных траекторий*. В этом случае исследовательский фокус ориентирован на моменты изменения, переходы, которые совершают люди в определенные периоды своей жизни. Это может быть выбор профессии, переход от учебы к работе, смена карьерной позиции или профессиональной области, изменение жизни в связи с материнством и т. д. В контексте исследования человеческого капитала постсоветский период отличается увеличением количества желающих получить диплом о высшем образовании, что уже привело к удвоению доли людей с такими дипломами в современном российском обществе в сравнении с поздним советским периодом (см. данные статистики образования за 2021 и 2023 г.: [1; 4]). С начала текущего столетия в нашей стране ряд исследователей отмечали неуклонное снижение финансовой отдачи от диплома [14; 15; 16]. Отметим, впрочем, что выполненная экономистом Р.И. Капелюшниковым оценка на основе трех микроисследований Росстата, показала более высокую отдачу от образования в России, по сравнению с ранее полученными оценками на данных

Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (RLMS-HSE) [12]. Отдача от компетенций (измеренных в PIAAC) в России оказалась нелинейной, лишь 4% представителей группы людей с наивысшим уровнем компетенций в нашей стране имеют доход в верхнем дециле, тогда как в странах ОЭСР — 25% [13]. Таким образом, стремление к формальной сертификации на фоне неоднозначных показателей отдачи от знаний и дипломов становится одним из парадоксов современной России, требующим дополнительного социологического исследования и объяснения.

Отметим также, что жизненный путь — это самореферентный процесс. Человек действует или ведет себя на основе предыдущего опыта и ресурсов. Поэтому эндогенную причинность можно искать уже на индивидуальном уровне. А в результате агрегирования эта причинность оказывается действенной и для коллективного жизненного пути, то есть для когорт или групп.

Второй ракурс позволяет говорить *об эволюции и социально-исторической судьбе отдельных групп (в том числе когорт)*. Как было показано выше, в стабильных обществах разделение трудоспособного населения на когорты позволяет отследить динамику роста человеческого капитала, причем наблюдение за эволюцией когорт дает хорошие предиктивные возможности. В кризисных обществах в первую очередь важно то, что люди получают свое образование и выходят на рынок труда в совершенно разных структурных условиях. Эти условия оказывают существенное влияние на последующую карьеру людей и на процессы воспроизводства человеческого капитала.

В России на данных RLMS-HSE К.З. Сабирьянова показала, что для поколения, заканчивавшего образование в 1990-х гг. и выходявшего на рынок труда, была характерна нисходящая профессиональная мобильность [53], вызванная в том числе структурной перестройкой российской экономики. Кризисное изменение структуры рынка труда влияет на возможности карьерного роста, ухудшает карьерные перспективы всех людей на рынке труда в данный момент, но в первую очередь влияет на молодую когорту. Несколько позже исследования К.З. Сабирьяновой вышла статья стэнфордского профессора М. Карной с соавторами [27], посвященная анализу связи культурного капитала семей и достижений учащихся в России и странах ОЭСР. Одна из аномалий, обнаруженных авторами исследования в 2010-х гг., заключается в том, что различия достижений школьников в России и в западноевропейских странах в контексте культурного капитала семей имеют нелинейный характер. Школьники из семей с низким культурным капиталом обладают вполне схожими показателями в разных странах. Однако при оценке достижений учащихся из семей с высоким уровнем культурного капитала был выявлен значительный разрыв между Россией, где школьники показывают более низкие достижения, и развитыми европейскими странами.

Ключевая роль семей в образовательных достижениях учащихся была эмпирически подтверждена достаточно давно [26]. В современной литературе в области экономики и образования укоренилась максима нобелевского лауреата Дж. Хекмана «навыки порождают навыки» (*skills beget skills*) (см. [17]), но в то же время разумно предполагать, что верно и обратное утверждение: потеря навыков в кризисные периоды приводит к проблемам при воспроизводстве человеческого капитала. Несмотря на то что М. Карной с соавторами ищут причину выявленной аномалии в особенностях школьной программы, вполне обоснованно можно предположить и наличие эффекта поколения: недополученные навыки и сложности на рынке труда для поколения 1990-х гг. обернулись снижением образовательных достижений их детей. Этот тезис требует дополнительной эмпирической проверки.

Наконец, третий возможный ракурс для исследования динамики укорененного в изменчивой социально-исторической действительности человеческого капитала заключается в *анализе институтов и профессий*. Системы образования и науки, здравоохранения, трудового права опосредованно воздействуют на накопление и трансляцию человеческого капитала. Индивидуальные жизненные пути жестко структурированы социальными институтами и их динамикой во времени, а человеческий капитал всегда воплощен, инкорпорирован, встроен в изменчивую институциональную структуру.

Оценка грамотности учителей средней школы на данных PIAAC в нашей стране показывает, что средняя компетентность учителя соответствует 53-му перцентилю по математической грамотности (в разрезе всей национальной выборки) и 54-му перцентилю по грамотности чтения [35]. Перцентили рассчитаны для всей совокупности граждан, с любым (в том числе с довузовским) образованием. В большинстве стран ОЭСР грамотность учителей находится на уровне 70-го перцентиля, причем нередко встречаются примеры даже более высокого значения данного показателя (например, в Испании, Франции, Турции). Связь подготовки учителей и результатов их учеников была неоднократно эмпирически показана [48], поэтому фактор учителя и школы в измеренной грамотности учеников (рассмотренной выше) тоже необходимо учитывать. Состояние корпуса учителей говорит о потенциале воспроизводства человеческого капитала в стране.

Наряду с этим был выявлен разрыв между участием в высшем образовании и отдачей от этого образования, формальной сертификацией и реальным усвоением компетенций и навыков, приростом человеческого капитала. В отличие от стран ОЭСР, где прослеживается четкая линейная связь между образовательными достижениями (то есть наличием диплома) и измеренными показателями в области математической грамотности и грамотности чтения, в России возникает ситуация неконсистентности, то есть несоответствия между измеренными знани-

ями и наличием диплома, что проявляется именно на уровне высшего образования [51]. В этом отношении справедливо было бы ожидать не увеличения, но стагнации или сокращения реальных запасов человеческого капитала в ближне- и среднесрочной перспективе.

В целом описанные социологические ракурсы раскрывают значительную перспективу для дальнейшей социологической работы по исследованию человеческого капитала в нашей стране. Связь с исторической динамикой имеет решающее значение для социологического изучения флуктуации человеческого капитала в кризисных обществах, где этот человеческий капитал, будучи встроенным в коллективные истории жизни людей, возрастных когорт, институтов, напрямую зависит от стремительной социальной изменчивости, лабильности.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Попов Дмитрий Сергеевич — кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН.

Телефон: +7 (916) 674-38-33. **Электронная почта:** dmtrppv@gmail.com

Шестакова Дарья Андреевна — аспирант, Институт социологии ФНИСЦ РАН.

Телефон: +7 (920) 833-43-16. **Электронная почта:** shestakova.darya@mail.ru

Research Article

DMITRY S. POPOV¹, DARIA A. SHESTAKOVA¹

¹Institute of Sociology of FCTAS RAS.

5, bl. 1, Bolshaya Andronievskaya str., 109544, Moscow, Russian Federation.

TOWARDS A SOCIOLOGICAL UNDERSTANDING OF HUMAN CAPITAL IN A FLUID SOCIETY IN A STATE OF CRISIS

Abstract. The importance of human capital and human development for understanding economics and social relations has repeatedly been proven since the time of Adam Smith. Theories on human capital and human development were conceptualized in their modern form in the USA in the 1960's to 1980's. However, in recent decades they have been seriously criticized in scientific literature, primarily due to issues pertaining to how they approach measurement. In this article a critical revision of the main approaches towards evaluating human capital in modern social sciences is conducted. New strategies for measuring human capital and human development include not only a "quantitative" indicator (number of years spent receiving formal education), but also an indicator showing the quality of acquired knowledge and skills. Such approaches provide a possibility to observe the improvement or degradation of human capital outside of conventional formal education, which allows perceiving human capital as embedded in the processes of local social, economic and historical development. This historical rootedness of human capital and human development seems to be of utmost importance for fluid societies in a state of crisis. The prospects for sociologization of the concepts of human capital and human development as well as the potential of life-course sociology for their analysis are discussed. It is suggested to view human capital through a cohort approach lens. The discussion outlines research strategies for studying human capital and human development within the proposed logic.

Keywords: human capital; human development; education; crisis society; skill depreciation; cohort effects.

For citation: Popov, D.S., Shestakova, D.A. Towards a Sociological Understanding of Human Capital in a Fluid Society in a state of Crisis. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2024. Vol. 30. No. 1. P. 43–63. DOI: 10.19181/socjour.2024.30.1.3

INFORMATION ABOUT THE AUTHOROS

Dmitry S. Popov — Candidate of Sociological Sciences, Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS. **Phone:** +7 (916) 674-38-33. **Email:** dmtrppv@gmail.com

Daria A. Shestakova — Postgraduate, Institute of Sociology of FCTAS RAS. **Phone:** +7 (920) 833-43-16. **Email:** shestakova.darya@mail.ru

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. *Бондаренко Н.В., Варламова Т.А., Гохберг Л.М. и др.* Индикаторы образования: 2023: Статистический сборник. М.: НИУ ВШЭ, 2023. — 432 с.
Bondarenko N.V., Varlamova T.A., Gohberg L.M., et al. *Indikatory obrazovaniya: 2023: Statisticheskii sbornik*. [Education indicators: 2023: Statistical collection.] Moscow: NIU VShE publ., 2023. (In Russ.)
2. *Булина А.О., Мозговая К.А., Пахнин М.А.* Человеческий капитал в теории экономического роста: классические модели и новые подходы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2020. Т. 36. Вып. 2. С. 163–188. DOI: 10.21638/spbu05.2020.201 EDN: ZRXGJD
Bulina A.O., Mozgovaya K.A., Pakhnin M.A. Human capital in the theory of economic growth: classical models and new approaches. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ekonomika*. [Bulletin of St. Petersburg University. Economy.] 2020. Vol. 36. No. 2. P. 163–188. DOI: 10.21638/spbu05.2020.201 (In Russ.)
3. *Горшков М.К., Шереги Ф.Э., Тюрин И.О.* Воспроизводство специалистов интеллектуального труда: социологический анализ. М.: ФНИСЦ РАН, 2023. — 383 с. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-413-0.2023 EDN: DMQCRN
Gorshkov M.K., Sheregi F.E., Tyurina I.O. *Vosproizvodstvo specialistov intellektual'nogo truda: sotsiologicheskii analiz*. [Reproduction of intellectual labor specialists: sociological analysis.] Moscow: FNISTS RAN publ., 2023. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-413-0.2023 (In Russ.)
4. *Гохберг Л.М., Озерова О.К., Саутина Е.В.* Образование в цифрах — 2021: краткий статистический сборник. М.: НИУ ВШЭ, 2021. — 134 с.
Gohberg L.M., Ozerova O.K., Sautina E.V. *Obrazovanie v tsifrakh: 2021: kratkii statisticheskii sbornik*. [Education in numbers: 2021: brief statistical collection.] Moscow: NIU VShE publ., 2021. (In Russ.)
5. *Парсонс Т.* О структуре социального действия / Под ред. В.Ф. Чесноковой, С.А. Белановского. М.: Академический проект, 2018. — 435 с.
Parsons T. *O strukture sotsial'nogo deistviya*. [On the structure of social action.] Ed. by V.F. Chesnokova, S.A. Belanovskiy. Moscow: Akademicheskii projekt publ., 2018. 435 p. (In Russ.)

6. Семенова В.В., Черныш М.Ф., Сушко П.Е. Социальная мобильность в усложняющемся обществе: объективные и субъективные аспекты. М.: ФНИСЦ РАН, 2019. — 512 с.
Semenova V.V., Chernysh M.F., Sushko P.E. *Sotsial'naya mobil'nost' v uslozhnyayushchemsya obshchestve: ob'ektivnye i sub'ektivnye aspekty.* [Social mobility in an increasingly complex society: objective and subjective aspects.] Moscow: FNISTS RAN publ., 2019 (In Russ.)
7. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов / Пер. с англ. П.Н. Клюкин. М.: Эксмо, 2016. — 1056 с.
Smith A. *An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations.* [Russ. ed.: *Issledovanie o prirode i prichinakh bogatstva narodov.* Transl. from Eng. by P.N. Klyukin. Moscow: Eksmo publ., 2016.] (In Russ.)
8. Вакуленко Е.С. Эффекты периода, возраста и когорты в динамике рождаемости россиян 1990–2021 гг. // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 2. С. 258–281. DOI: 10.14515/monitoring.2023.2.2357 EDN: WADHIW
Vakulenko E.S. Effects of period, age and cohort in the dynamics of the birth rate of Russians 1990–2021. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskije i social'nye peremeny.* 2023. No. 2. P. 258–281. DOI: 10.14515/monitoring.2023.2.2357 (In Russ.)
9. Гимпельсон В.Е. Возраст и заработная плата: стилизованные факты и российские особенности // Экономический журнал ВШЭ. 2019. Т. 23. № 2. С. 185–237. DOI: 10.17323/1813-8691-2019-23-2-185-237 EDN: ZXMXET
Gimpel'son V.E. Age and salary: stylized facts and Russian characteristics. *Ekonomicheskij zhurnal VShE.* 2019. Vol. 23. No. 2. P. 185–237. DOI: 10.17323/1813-8691-2019-23-2-185-237 (In Russ.)
10. Капелюшников Р.И. Сколько стоит человеческий капитал России? Часть I // Вопросы экономики. 2013. № 1. С. 27–47. DOI: 10.32609/0042-8736-2013-1-27-47 EDN: PNOQXD
Kapelyushnikov R.I. How much is Russia's human capital worth? Part I. *Voprosy ekonomiki.* 2013. No. 1. P. 27–47. DOI: 10.32609/0042-8736-2013-1-27-47 (In Russ.)
11. Капелюшников Р.И. Сколько стоит человеческий капитал России? Часть II // Вопросы экономики. 2013 № 2. С. 24–46. DOI: 10.32609/0042-8736-2013-2-24-46 EDN: PVDKPP
Kapelyushnikov R.I. How much is Russia's human capital worth? Part II. *Voprosy ekonomiki.* 2013. No. 2. P. 24–46. DOI: 10.32609/0042-8736-2013-2-24-46 (In Russ.)
12. Капелюшников Р.И. Отдача от образования в России: ниже некуда? // Вопросы экономики. 2021. № 8. С. 37–68. DOI: 10.32609/0042-8736-2021-8-37-68 EDN: PHQPVC
Kapelyushnikov R.I. Return on education in Russia: nowhere lower? *Voprosy ekonomiki.* 2021. No. 8. P. 37–68. DOI: 10.32609/0042-8736-2021-8-37-68 (In Russ.)

13. Кузьмина Ю.В., Попов Д.С. Функциональная грамотность взрослых и их включенность в общество в России // Социологические исследования. 2015. № 7. С. 48–57. EDN: UCFNXL
Kuz'mina Yu.V., Popov D.S. Functional literacy of adults and their inclusion in society in Russia. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2015. No. 7. P. 48–57. (In Russ.)
14. Лукьянова А.Л. Отдача от образования: что показывает мета-анализ // Экономический журнал ВШЭ. 2010. № 3. С. 326–348. EDN: MVQXED
Lukyanova A.L. Return on education: what the meta-analysis shows. *Ekonomicheskii zhurnal VShE*. 2010. No. 3. P. 326–348. (In Russ.)
15. Рошчин С.Ю., Рудаков В.Н. Измеряют ли стартовые заработные платы выпускников качество образования? Обзор российских и зарубежных исследований // Вопросы образования. 2015. № 1. С. 137–181. DOI: 10.17323/1814-9545-2015-1-137-181 EDN: TOEWHX
Roshchin S.Yu., Rudakov V.N. Do Starting Salaries for Graduates Measure the Quality of Education? A Review of Studies by Russian and Foreign Authors. *Voprosy obrazovaniya*. 2015. No. 1. P. 137–181. (In Russ.)
16. Тихонова Н.Е., Каравай А.В. Динамика некоторых показателей общего человеческого капитала россиян в 2010–2015 гг. // Социологические исследования. 2018. № 5. С. 84–98. DOI: 10.7868/S0132162518050082 EDN: URNLWQ
Tikhonova N.E., Karavay A.V. Dynamics of some indicators of Russians' general human capital in 2010–2015. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2018. No. 5. P. 84–98. DOI: 10.7868/S0132162518050082 (In Russ.)
17. Хекман Дж. Политика стимулирования человеческого капитала // Вопросы образования. 2011. № 3. С. 73–137. EDN: OEUTQL
Heckman J. Policies to foster human capital. *Voprosy obrazovaniya*. 2011. No. 3. P. 73–137. (In Russ.)
18. Angrist N., Djankov S., Goldberg P.K., et al. Measuring human capital using global learning data. *Nature*. 2021. No. 592. P. 403–408. DOI: 10.1038/s41586-021-03323-7
19. Angrist N., Djankov S., Goldberg P.K., Patrinos H.A. *Measuring Human Capital. Policy Research Working Paper*. No. 8742. Washington, DC: World Bank, 2019. Accessed 20.02.2024. URL: <http://hdl.handle.net/10986/31280>
20. Baker G., Gibbs M., Holmstrom B. The Internal Economics of the Firm: Evidence from Personnel Data. *The Quarterly Journal of Economics*. 1994. No. 109 (4). P. 881–919. DOI: 10.2307/2118351
21. Baltes P. B. Longitudinal and cross-sectional sequences in the study of age and generation effects. *Human Development*. 1968. No. 11. P. 145–171. DOI: 10.1159/000270604
22. Beaudry P., DiNardo J. The Effect of Implicit Contracts on the Movement of Wages Over the Business Cycle: Evidence from Micro Data. *Journal of Political Economy*. 1991. No. 99 (4). P. 665–688. DOI: 10.1086/261774

23. Becker G.S. *Human Capital. A Theoretical and Empirical Analysis*. N.Y.: Columbia University Press, 1964. — 187 p.
24. Becker G.S. *Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis with Special Reference to Education*. 3rd ed. Chicago: The University of Chicago Press, 1993. 412 p. DOI: 10.7208/chicago/9780226041223.001.0001
25. Björklund A., Salvanes K.G. Education and family background: mechanism and policies. *Handbook of the Economics of Education*. Ed. by E.A. Hanushek, S. Machin, L. Woessman. Amsterdam: North-Holland, 2011. 616 p. DOI: 10.1016/B978-0-444-53429-3.00003-X
26. Blossfeld G.J., Blossfeld H.-P. Studying social inequality over the life course in modern societies. *The Routledge Handbook of Contemporary Inequalities and the Life Course*. Ed. by M. Nico, G. Pollock. L.: Routledge, 2021. DOI: 10.4324/9780429470059
27. Carnoy M., Khavenson T., Ivanova A. Using TIMSS and PISA Results to Inform educational policy: a study of Russia and its neighbours. *Journal of Comparative and International Education*. 2015. No. 45 (2). P. 248–271. DOI: 10.1080/03057925.2013.855002
28. Coleman J.S. *United States, National Center for Education Statistics. Equality of educational opportunity*. Washington: U.S. Dept. of Health, Education, and Welfare, Office of Education. 1966. 749 p. Accessed 03.03.2024. URL: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/ED012275.pdf>
29. De Grip A.D., Van Loo J. The economics of Skills Obsolescence: a Review. *The Economics of Skills Obsolescence: Theoretical Innovations and Empirical Applications*. Ed. by A.D. Grip, J.V. Loo, K. Mayhew. Bingley: Emerald Group Publishing Limited, 2002. P. 1–26. DOI: 10.1016/S0147-9121(02)21003-1
30. Diewald M., Mayer K.U. The sociology of the life course and life span psychology: Integrated paradigm or complementing pathways. *Advances in Life Course Research*. 2009. No. 14. P. 5–14. DOI: 10.1016/j.alcr.2009.03.001
31. Dinerstein M., Megalokonomou R., Yannelis C. Human Capital Depreciation and Returns to Experience. *American Economic Review*. 2022. No. 12 (11). P. 3725–3762. DOI: 10.1257/aer.20201571
32. Égert B., De La Maisonneuve C., Turner D. A new macroeconomic measure of human capital exploiting PISA and PIAAC: Linking education policies to productivity. *OECD Economics Department Working Papers*. 2022. No. 1709. DOI: 10.1787/a1046e2e-en
33. Gibbons R., Waldman M. Task-Specific Human Capital. *American Economic Review*. 2004. No. 94 (2). P. 203–207. DOI: 10.1257/0002828041301579
34. Goldin C. Human Capital. *Handbook of Cliometrics*. Ed. by C. Diebolt, M. Hauptert. 2nd ed. Cham: Springer International Publishing, 2019. P. 147–177. DOI: 10.1007/978-3-030-00181-0
35. Hanushek E.A., Piopiunik M., Wiederhold S. The Value of Smarter Teachers: International Evidence on Teacher Cognitive Skills and Student Performance. *Journal of Human Resources*. 2018. No. 54 (4). P. 857–899. DOI: 10.3368/jhr.54.4.0317.8619R1

36. Hanushek E.A., Schwerdt G., Wiederhold S., Woessmann L. Returns to skills around the world: Evidence from PIAAC. *European Economic Review*. 2015. Vol. 73. P. 103–130. DOI: 10.1016/j.euroecorev.2014.10.006
37. Hanushek E.A., Woessmann L. *The Knowledge Capital of Nations: Education and the Economics of Growth*. Cambridge, MA: MIT Press, 2015. 280 p. DOI: 10.7551/mitpress/9780262029179.001.0001
38. How's Life? 2020: Measuring Well-being. Paris: OECD Publishing, 2020. 247 p. *OECDiLibrary*. Accessed 20.02.2024. URL: 10.1787/9870c393-en
39. Johnston B.J. *Pitirim A. Sorokin: An Intellectual Biography*. Lawrence KS: University Press of Kansas, 1995. 392 p.
40. Jorgenson D.W., Fraumeni B.M. The Accumulation of Human and Nonhuman Capital, 1948–1984. *The Measurement of Savings, Investment and Wealth*. Ed. by R.E. Lipsey, H.S. Tice. Chicago: The University of Chicago Press, 1989. P. 227–286.
41. Jorgenson D.W., Fraumeni B.M. The Output of the Education Sector. *Output Measurement in the Services Sector*. Ed. by Z. Griliches. Chicago: The University of Chicago Press, 1992. P. 303–341.
42. Kiker B.F. The Historical Roots of the Concept of Human Capital. *Journal of Political Economy*. 1966. No. 74 (5). P. 481–499. DOI: 10.1086/259201
43. Le Chapelain C. Cliometrics and the Concept of Human Capital. *Handbook of Cliometrics*. Ed. by C. Diebolt, M. Hauptert. Cham: Springer, 2019. DOI: 10.1007/978-3-030-00181-0_45
44. Liu G. Measuring the Stock of Human Capital for Comparative Analysis: An Application of the Lifetime Income Approach to Selected Countries. *OECD Statistics Working Papers 2011/06*. Paris: OECD, 2011. DOI: 10.1787/5kg3h-0jnn9r5-en
45. Liu G., Fraumeni B.M. *A Brief Introduction to Human Capital Measures. Working Paper 27561*. Cambridge National Bureau of Economic Research, 2020. 17 p. Accessed 25.02.2024. URL: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w27561/w27561.pdf
46. Mannheim K. *The Problem of Generations. In: Essays on the Sociology of Knowledge*. Ed. by P. Kecskemeti. L.: Routledge and Kegan Paul, 1952. P. 276–320.
47. Mazzona F. The long-lasting effects of family background: a European cross-country comparison. *Economics of Education Review*. 2014. No. 40. P. 25–42. DOI: 10.1016/j.econedurev.2013.11.010
48. Meroni E.C., Vera-Toscano E., Costa P. Can low skill teachers make good students? Empirical evidence from PIAAC and PISA. *Journal of Policy Modeling*. 2015. No. 37. P. 308–323. DOI: 10.1016/j.jpolmod.2015.02.006
49. Mincer J. Investment in Human Capital and Personal Income Distribution. *Journal of Political Economy*. 1958. No. 66 (4). P. 281–302. DOI: 10.1086/258055

50. Mincer J. The distribution of labor incomes: a survey with special reference to the human capital approach. *Journal of Economic Literature*. 1970. No. 8 (1). P. 1–26.
51. Popov D., Strelnikova A. The Problem of the Discrepancy Between Work, Education, and Literacy in Russia. *Russian Education & Society*. 2018. No. 60 (6). P. 520–535, DOI: 10.1080/10609393.2018.1527130
52. Reiter C., Özdemir C., Yildiz D., Goujon A., Guimaraes R., Lutz W. The Demography of Skills-Adjusted Human Capital. *IIASA Working Paper*. 2020. No. 20-006. DOI: <https://pure.iiasa.ac.at/16477>
53. Sabirianova K.Z. The Great Human Capital Reallocation: A Study of Occupational Mobility in Transitional Russia. *Journal of Comparative Economics*. 2002. No. 30 (1). P. 191–217. DOI: 10.1006/jcec.2001.1760
54. Schaie K.W. A general model for the study of developmental problems. *Psychological Bulletin*. 1965. No. 64. P. 92–107. DOI: 10.1037/h0022371
55. Schultz T.W. Investment in Human Capital. *The American Economic Review*. 1961. No. 51 (1). P. 1–17.
56. Schultz T.W. Capital formation by education. *Journal of Political Economy*. 1960. No. 68 (6). P. 571–583. DOI: 10.1086/258393
57. Skills Outlook 2013: First Results from the Survey of Adult Skills. OECD Publishing, Paris. *OECDiLibrary*. Accessed 20.02.2024. DOI: 10.1787/9789264204256-en
58. Sen A. Well-Being, Agency and Freedom: The Dewey Lectures 1984. *The Journal of Philosophy*. 1985. No. 82 (4). P. 169–221. DOI: 10.2307/2026184
59. Spengler J.J. Adam Smith on Human Capital. *The American Economic Review*. 1977. No. 67 (1). P. 32–36.
60. *Human Development Report 1990: Concept and Measurement of Human Development*. UNDP (United Nations Development Programme). N.Y., Oxford: Oxford University Press, 1990. 189 p. Accessed 25.02.2024. URL: <https://hdr.undp.org/system/files/documents/hdr1990encompletenostatspdf.pdf>

Статья поступила в редакцию: 07.11.2023; поступила после рецензирования и доработки: 06.02.2024; принята к публикации: 05.03.2024.

Received: 07.11.2023; revised after review: 06.02.2024; accepted for publication: 05.03.2024.